

Новосибирск, 1982. С. 249–272; Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. С. 152–155, 158–161; Памятники сибирской истории... Кн. 1–2.

⁹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1802, 2560; Ф. 1265. Оп. 2. Д. 91, 206; Оп. 3. Д. 85; Оп. 4. Д. 114; Оп. 5. Д. 122, 149; Оп. 6. Д. 158; Оп. 7. Д. 143; Оп. 8. Д. 181; Оп. 9. Д. 155; Оп. 10. Д. 145; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 109, 111, 112, 121, 125, 129, 135, 160, 194; Оп. 5. Д. 119-а, 134, 143, 168-а; Оп. 6. Д. 89, 90, 117, 131, 133, 153, 156, 166; АРГО. Разр. 55. Оп. 1. Д. 74; Разр. 61. Оп. 1. Д. 6, 9, 23, 25, 32; ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 214, 245, 252; ГАТ. Ф. 152. Оп. 31. Д. 685; Ф. 329. Оп. 13. Д. 32, 157; Потанин Г. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII столетия // Вестник Императорского русского географического общества. № 8. СПб., 1860. С. 201–236; Сведения о населенных местностях Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 178–197; Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губерния. СПб., 1871. ССLXI с. + 196 с. прил.

¹⁰ ГАТ. Ф. 152. Оп. 31. Д. 685; Ведомость об обороте торговли на ярмарках и торжках бывших в городах и селениях Тобольской губернии за 1858 г. // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 20. С. 257–259; Об обороте торговли на ярмарках и торжках в городах и селениях губернии за 1858 г. // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860. С. 198–208.

¹¹ РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 92; ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 32. Д. 157. Д. 162.

¹² О скотских падежах в Тобольской губернии с 1849 по 1858 год // Тобольские губернские ведомости. 1860. № 31. С. 250–256; О торговле производившейся на ярмарках России в 1829 г. // Журнал министерства внутренних дел. Ч. 3. Кн. 4. СПб., 1830. С. 167–185; Обороты главнейших ярмарок в 1856 г. // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 22. Кн. 1. СПб., 1857. С. 5–6; Обороты главнейших ярмарок в 1857 г. // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 26. Кн. 9. СПб., 1857. С. 12–21; Обороты главнейших ярмарок в 1858 г. // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 32. Кн. 10. СПб., 1858. С. 34–44.

¹³ ГАТ. Ф. 156. Оп. 20. Д. 941; Ведомость, показывающая число жителей в такмычком приходе в данные годы, равно в число родившихся и умерших // Попов М. Слобода Такмыцкая // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 17. С. 115.

¹⁴ Потанин Г. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII столетия // Вестник Императорского русского географического общества. № 8. СПб., 1860. С. 201–236.

¹⁵ РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 168, 179; ГАТ. Ф. 152. Оп. 30-а. Д. 18; Ф. 329. Оп. 3. Д. 158, 328, 622, 711, 718.

¹⁶ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.-Л.: Изд-во Ан СССР, 1952. 676 с.; Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1770–1772. Ч. 2, 3; Фальк И.П.

Записки путешественника. Т. 6. СПб., 1824. 546 с.; Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. 572 с.; Небольсин Н. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. 248 с.; Белов Гр. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. 108 с.; Завалишин И. Путевые заметки (Тобольская губерния) // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 41–42; Брем А., Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. 578 с.

¹⁷ Адрианов В. Как проводят праздники крестьяне Курганского округа слободы Белозерской // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 48. С. 697–700; Адрианов В. Слобода Белозерская // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 22. С. 291–294; Попов М. Слобода Такмыцкая // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 4–9, 16–17; Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902. 198 с.

¹⁸ РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2; АРАН. Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 178, 179, 180, 181, 184, 186, 187; Оп. 10-б. Д. 41, 95, 102, 107, 134, 142; АРГО. Разр. 55. Оп. 1. Д. 47; ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 214, 245, 252; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18919, 19109; ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25; ГАТ. Ф. 152. Оп. 31. Д. 685; Ф. 329. Оп. 13. Д. 32, 157; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 320 с.

¹⁹ ЦХАФАК. Ф. 50. Оп. 1. Д. 10; Оп. 10. Д. 242, 308; Оп. 11. Д. 1189, 1190, 1192, 1193, 1196; Оп. 12. Д. 3, 79, 81, 133, 134, 141, 144, 203-ж, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 325, 385, 328; Оп. 20. Д. 10 3, 25, 26; Оп. 21. Д. 4, 17, 18, 19, 104, 105, 387, 444, 447, 559. Атлас Азиатской России. СПб., 1914; Приложения к чертежной книге Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремизовым в 1701 г. СПб., 1882. 58 с.; Ремезов С. Чертежная книга Сибири. 1701 г. СПб., 1882. 25 л.

Д. А. Глазунов

Судебная реформа 1864 года и типология судебного законодательства (60–70-е годы XIX века)

Изучение историографии судебной реформы 1864 г. показывает наличие спорных сюжетов – например, вопроса о сущности контрреформ. Среди ученых сложился несколько односторонний взгляд на последнее явление как реакционную политику, которая была направлена на изменение буржуазного судоустройства. Особенно этот вопрос актуален при характеристике региональных структур судоустройства и судопроизводства. Приведем несколько точек зрения по этой проблеме.

В советское время обстоятельно проанализировал политику государства в области юстиции Б.В. Виленский. Появление реформы он считает следствием борьбы угнетенных масс против крепостничества, а после 1861 г. – против его пережитков. Квинтэссенция развития судебной системы, по мнению Б.В. Виленского, обуславливается ее карательными функциями, которые были направлены против революционного движе-

ния. Изменения в организации судов связаны не только с борьбой против революции, но и с восстановлением дореформенных порядков. Судебная контрреформа, по убеждению автора, возникла в результате второй революционной ситуации. Поэтому огромное значение исследователь придавал политическим процессам. Учреждение земских начальников перечеркнуло все достижения реформы 1864 г.¹

В.А. Шувалова решающую роль в реформировании приписала народным массам. Судебная реформа, по оценке автора, была мизерной и лживой *уступкой* царизма революционному движению. Уже при проведении реформы правительство отказалось от прогрессивных начал². Таким образом, В.А. Шувалова отодвинула начало контрреформ к середине 60-х гг. XIX в.

М.В. Немытина сконцентрировала свой научный интерес на соотношении нормативных актов 70–80-х гг. XIX в. и деятельности комиссии Н.В. Муравьева³. В своей диссертации она привела доводы в пользу реакционной сущности политики государства в сфере суда. Правительство, по мнению М.В. Немытиной, руководствовалось исключительно консервативными соображениями. Исследовательница подчеркнула разницу между законами 70-х и 80-х гг. XIX в. В первом случае речь шла мерах временных и чрезвычайных, во втором – о постоянных законах.

Концепция контрреформ, предположенная Б.В. Виленским, вызвала возражения у других исследователей; в исторической литературе постепенно складывалось мнение об отсутствии политики контрреформ в области юстиции. Наиболее последовательно эту точку зрения изложил П.А. Зайончковский. В 80-е гг. XIX в. институт несменяемости судей функционировал, несмотря на то, что чиновники ведомства юстиции могли быть уволены за дисциплинарные проступки без суда⁴. П.А. Зайончковский справедливо считал, что ограничение деятельности суда присяжных и увеличение их имущественного ценза нельзя сводить к его ликвидации, а значит говорить о контрреформе. Существование (хотя и с урезанными правами) в 80-е гг. судебной системы, основанной двумя десятилетиями ранее, не позволяет говорить о восстановлении тех порядков, которые имели место до реформы 1864 г.

Безусловно, ряд мнений об оценках развития пореформенной судебной системы можно было продолжить. Но заметим, что отечественные ученые, говоря об эволюции юстиции, ни разу не подвергали сплошному анализу законы, которые регулировали эту сферу. Цель данной статьи – проанализировать весь комплекс законов, регулировавших судебную систему в 60–70-е гг. XIX в., дать им классификацию, охарактеризовать и показать их значимость.

Для выполнения поставленной цели нами было просмотрено более 400 нормативных актов, изданных с 1864 по 1872 г. и затрагивавших судебную систему России. На наш взгляд, главным критерием при опреде-

лении значимости закона является его степень включенности в Свод Закона Российской Империи (далее – СЗРИ). Все акты и нормы, включаемые в СЗРИ, считались «вечными», а их изменение требовало высочайшего разрешения⁵.

В этой связи можно выделить законы, составляющие или основывающие СЗРИ. К ним относились законы, которые были помещены в один из 16 томов СЗРИ. Как правило, в СЗРИ входили Уставы, Учреждения, Уложения, Положения, «Законы». Разница между этими видами нормативных актов весьма условна. Уставы содержали нормы, регулирующие процесс, в нашем случае судебный, или судопроизводство. Учреждение регулировало, устанавливало структуру судебного ведомства. Уложение фиксировало соответствие между совершенным преступлением и наказанием, оно содержало в себе материальные нормы. Положения занимали подчиненное положение по отношению к Уставам и Учреждениям. Например, в Учреждении судебных установлений нотариальной части посвящена одна небольшая статья (420), по существу, отсылающая нас к иному нормативному акту, в котором полностью отражены вопросы этой службы. Таким законодательным актом в 29.04.1866 г. стало Положение о нотариальной части. Положения можно считать частями Учреждения, которые подробно описывались на отдельном аспекте.

«Законы» в основном регулировали имущественные, семейные, наследственные правоотношения. Поэтому их совокупность может рассматриваться как Уложение гражданское. В конце XIX в. среди юристов возникли инициативы по созданию такого Уложения. Если бы они получили поддержку власти, то надо полагать, что «Законы» потеряли бы свое значение. «Законы» были изданы до проведения судебной реформы и представляли собой нормативные акты, которые регулировали дореформенные порядки. Например, «Законы о судопроизводстве гражданском», несмотря на введение судебной реформы 1864 г., не считались окончательно утерявшими силу, так как:

«1) некоторые из содержащихся в них постановлений применяются при производстве дел в Департаментах Правительствующего Сената прежнего устройства, в губернских присутственных местах и в коммерческих судах;

2) некоторые из содержащихся в них постановлений имеют не только процессуальное, но и материально-правовое значение и

3) законами этими руководствуется Астраханский Окружный Суд при рассмотрении жалоб на народные суды Калмыков. Поэтому означенные законы воспроизведены в настоящем издании, за исключением лишь тех постановлений, которые должны считаться окончательно утратившими силу»⁶.

Хотелось бы коротко остановиться еще на одной специфике русского законодательства. Существовал целый комплекс норм, отражавших спе-

цифику управления отдельными местностями или частями населения (Положение об управлении в Туркестанском крае, Учреждение управления Кавказского края и т. д.). Как правило, они содержались во втором томе СЗРИ и являлись составной частью свода губернских учреждений. В них отражались некоторые вопросы судопроизводства и судоустройства, которые новым общим узаконением не отменялись, если в последнем это специально не оговаривалось. Поэтому наряду с общеимперской судебной системой существовала и региональная.

Таким образом, говоря о судебной системе пореформенной России в целом, можно утверждать, что она регулировалась не только известными Судебными Уставами 1864 г. (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), но и другими важными нормативными актами. В их числе: Уложение о наказаниях и уголовных и исправительных, Законы о судопроизводстве гражданском, Законы Гражданские, Устав торговый, Устав о векселях, Положение о нотариальной части и пр. Поэтому, когда ведется речь об эволюции судебной системы, необходимо учитывать динамику не только первых, но и вторых законов.

Второй уровень узаконений предполагал изменение норм, уже установленных в СЗРИ. Данные законодательные акты вносили незначительные изменения в Свод Законов. В отличие от узаконений первого уровня, они не устанавливали новых правил, не регулировали деятельность отдельных служб, не вносили принципиальных положений в существующие нормы и порядки. Законодатели отменяли устаревшие статьи, предлагали новую их редакцию, дополняли с учетом времени, но не изменяли смысл всего закона. В качестве примера можно привести высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении примечанием ст. 1289 Устава гражданского судопроизводства о производстве в окружных судах по просьбам государственного банка взысканий о векселях сокращенным порядком» или «О согласовании Уложения о наказаниях с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»⁷. Таким образом, эти узаконения не меняли структуру СЗРИ, но вносили изменения в уставные законы.

Как правило, в преамбуле узаконений второго уровня существовала следующая формулировка: «Во изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений, постановить». Как правило, эти нормативные акты инициировались II отделением собственной ЕИВ канцелярии, решение по ним принималось в расширенном составе Государственного Совета (в соединенных департаментах законов, гражданских и духовных дел и государственной экономии и в общем собрании) и утверждалось высшей властью.

Узаконения *третьего уровня* не вносили изменений в СЗРИ. Они имели исключительно ведомственный характер. Эти законы уточняли численный состав учреждений (упраздняли должности, продлевали действие временных штатов, усиливали их), разграничивали судебные участки, перераспределяли денежные средства, предназначенные для канцелярии судебных мест и т. д. С инициативой таких нормативных актов выступал министр юстиции.

Основные виды вышеописанных законов – высочайше утвержденное мнение Государственного Совета и именной указ. Характерная формулировка первых выглядит следующим образом: «Государственный Совет в департаменте законов и в общем собрании, рассмотрев представление министра юстиции...». Из приведенной цитаты видно, что Государственный Совет принимал свое решение относительно узаконений третьего уровня в узком составе (одного департамента и общем собрании). Повидимому, незначительная важность подобных актов, с точки зрения законодательства, не требовала привлечения других отделов Государственного Совета.

Именные указы применялись для быстрого решения неотложных вопросов и регулировали ведомственные преобразования на уровне министерства: «Государь Император по всеподданнейшему моему докладу о распределении занятий между мной и товарищем Министра Юстиции 11-го сего января высочайше повелеть соизволил предоставить...»⁸.

Наконец, последний тип узаконений, наиболее часто встречающийся в Полном собрании законов (ПСЗРИ), – сенатские указы, которые можно охарактеризовать как своеобразные подзаконные акты. Задача сенатских указов заключалась в том, чтобы правильно скоординировать или упорядочить введение Судебных Уставов 1864 г. в действие. В этом направлении необходимо было обеспечить планомерное закрытие старых и открытие новых судов, предусмотреть возможные технические сложности при взаимодействиях между реформировавшейся юстицией и административными властями, а при необходимости и растолковать смысл законов. Поэтому Правительствующий Сенат вынужден был брать во внимание предложения министра юстиции, обер-прокуроров, рапорта административных учреждений, а так же опираться на собственное (сенатское) производство. Как правило, для сенатских указов характерны такие формулировки, как: «Правительствующий Сенат слушали предложение...», «сообразив с законами» «разъяснить подлежащим местам и лицам», «послать, куда следует, указы» и т. д.

Если мы распределим все узаконения, которые мы проанализировали, то получим результат, отраженный в таблице 1. Как видно из таблицы, около 40 % всех узаконений приходилось на сенатские указы и 35 % – на мнения Государственного Совета. Пока трудно точно распределить узаконения по уровням (в первую очередь это относится к мнениям Го-

сударственного совета). Но предварительно можно, с известной осторожностью, отнести их к третьему уровню, т.е. к тем нормативным актам, которые не вносили изменений в Свод законов. Значит, о кардинальных переменах в области законодательства говорить не приходится. Наоборот, логика развития законодательства говорит, что государство активно участвовало в процессе внедрения Судебных Уставов 1864 г. в жизнь. Об этом свидетельствует и распределение законов по годам, отраженное в таблице 2.

Таблица 1

Распределение законов о суде по видам

Вид закона	КОЛИЧЕСТВО	
	Абс	%
Сенатские указы	160	39,4
Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета	142	35,0
Именные указы	43	10,6
Прочие узаконения	61	15,0
Всего	406	100

Таблица составлена по: ПСЗ РИ-2. Т. 39–47.

Таблица 2.

Распределение законов о суде по годам

	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1872
Сенатские указы	5	19	58	27	9	59	21
Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета	10	26	31	23	5	21	21
Именные указы	6	11	9	4	2	5	5

Таблица составлена по: ПСЗ РИ-2. Т. 39–47.

Таблица 2 показывает, что активность в законодательстве приходится на 1867 и 1870 гг., когда судебные преобразования распространяются на большие территории.

Итак, анализ нормативных актов по судебной части показывает, что они различны по своей значимости. Можно выделить четыре уровня узаконений, которые различались степенью инкорпорированности в СЗРИ. Предварительный анализ узаконений показал стремление правительственных учреждений к быстрому упорядочиванию и преобразованию судебной структуры, а не ликвидации буржуазных принципов реформы.

¹ Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969. С. 9, 200.

² Шувалова В.А. О сущности судебной реформы 1864 г. в России // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 127.

³ Немытина М.В. Судебная контрреформа и комиссия Н. В. Муравьева: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987. С. 9.

⁴ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 246.

⁵ Балыбин В.А. Основные тенденции развития уголовного законодательства России в 1861–1881 гг. // Правоведение. 1977. № 3. С. 58.

⁶ Цит. по СЗРИ. 1892. Т. XVI. С. 592.

⁷ ПСЗРИ-II. Т. 47. № 49676 а; Т. 40. Отд. 2. № 42839.

⁸ Там же. Т. 43. № 45384.

К. А. Анкушева

**Сословная структура городских обществ Зауралья
(конец XVIII – начало XX века)**

Обращение к изучению истории городских сословий провинциальных населённых пунктов объясняется сложными демографическими, экономическими и социокультурными процессами в современном обществе, которое находится на пути глобализации, то есть объединения в единое пространство людей, различающихся между собой по многим признакам. В определённой степени данная тенденция находит своё отражение не только в центре, но и на окраинах государства. В связи с бурным развитием процесса глобализации возникают новые сложные проблемы, в том числе конфликтные, которые требуют серьёзного анализа и разрешения.

В этом контексте анализ исторического опыта стратификации городского населения конца XVIII – начала XX в. на уровне законодательства и его применения в реальной жизни позволяет оценить наиболее типичные и специфические черты общественной системы, её составляющие и эволюцию. При этом большое значение имеет изучение указанных аспектов в рамках провинциального города, формирование и эволюция городских сословий которого в значительной степени определяли региональные особенности общественного строя России рассматриваемого периода. Это, в свою очередь, даёт возможность построить целостную концепцию социального развития российского города на большом историческом этапе и тем самым глубже осмыслить проблемы современности.

Тема истории городских сословий долгое время не относилась к центральному в исторической науке. Некоторые аспекты были рассмотрены в дореволюционный период. Наибольшее внимание исследователей привлекали процесс разработки правительством стандарта городских сословий и их законодательные основы¹. В большей мере социально-